

Е. ОСЕТРОВ

«Грядущее, созревшее в прошедшем»

Беседа с Анной Ахматовой

Книги, старинные картины, фотографии многих десятилетий, карандашные рисунки, пачки только что принесенных писем и книжных бандеролей... Такова обстановка, окружающая каждого, кто переступает порог квартиры Анны Андреевны Ахматовой в Ленинграде. За плечами у Ахматовой — большая и нелегкая жизнь, заполненная постоянным и никогда не прекращающимся трудом. Ее стихотворные сборники переведены на множество языков и выпущены в самых различных странах мира. Вот толстый том — «кирпич», на страницах которого рядом расположены стихи поэтессы и их переводы на итальянский язык. Эта книга вышла в свет в Риме с большой вводной статьей Б. Карневалли — крупного знатока поэзии. Вот Ахматова на французском, польском, словацком, чешском, английском...

Анна Андреевна не принадлежит к числу лиц, у которых легко брать интервью. Она немногословна, не терпит общих фраз, ибо хорошо знает цену слов. Нашу беседу приходится начать с традиционных, но, видимо, неизбежных вопросов: над чем писательница работает? Каковы ее ближайшие творческие планы? И конечно, встретившись с Ахматовой, нельзя не спросить, как продвигаются вперед ее многолетние исследования, посвященные жизни и творчеству Пушкина. Ведь знатоки высоко оценивают ее пушкинские работы. Крупнейший пушкинист нашего времени Б. В. Томашевский, даря свою книгу поэтессе, написал: «Лучшему знатоку Пушкина — А. А. Ахматовой». Надо было знать Бориса Викторовича, чтобы оценить эту надпись.

В пушкинскую литературу должны войти такие исследования Ахматовой, как «Гибель Пушкина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году». Результатом «пушкинских

штудий» явились работы Ахматовой о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана. Наиболее весомый из трудов посвящен «Каменному гостю».

— Но, к сожалению, — замечает поэтесса, — работа о Пушкине в последние месяцы почти не продвигается. Ко мне, — поясняет Ахматова, — вернулась моя трагедия...

Поймав недоуменный взгляд, Анна Андреевна рассказывает о том, что в настоящее время она интенсивно работает над трагедией «Пролог, или Сон во сне». По мысли автора, это произведение должно выразить ее самые сокровенные раздумья о действительности:

...Землю, по которой я ступала,
Желтую звезду в моем окне,
То, чем я была и чем я стала...

Интересна творческая история «Пролога». Трагедия впервые была написана в сорок втором году в Ташкенте, куда писательница была эвакуирована из осажденного Ленинграда. Произведение состояло из трех частей, вторая часть была написана в стихах. Время действия — военная пора, тыловой город, куда неизбежно и неотвратимо докатывается отзвук войны. Почему трагедия называется «Пролог, или Сон во сне»?

Поэтесса знакомит меня с планом произведения. Действие второе начинается с того, что в глубине сцены поднимается занавес и там — публика, оркестр и сцена. Спящему снится, что он видит загадочный сон.

Что побудило автора взяться за новую редакцию поэмы?

Дело в том, что самое важное для понимания трагедии действие, написанное в стихах, было в свое время утрачено. Конечно, многое можно теперь восстановить по памяти. Но, воспроизводя старые стихи, автор не может не вносить в них новые мотивы, не выразить опыт, которого еще не было в ташкентскую пору. Стихи 1964 года не могут не отличаться от стихов 1942 года, — поясняет Анна Андреевна, — слишком много событий произошло в минувшем двадцатилетии.

Нет ли у нас оснований считать «Пролог» произведением автобиографическим?

Нет, это не совсем точно. В песенке слепого, которая вошла в трагедию, есть такие строки:

Не бери сама себя за руку,
Не веди сама себя за реку,

На себя пальцем не показывай,
Про себя сказку не рассказывай...

Когда работа над произведением будет закончена?

В настоящее время трагедия близка к завершению. Некоторые стихи из нее уже появились в периодике.

В издательстве «Советский писатель» выходит сборник поэтессы, куда включены произведения многих лет. В сборнике публикуются стихи, написанные Ахматовой еще в 1909 году, и стихи 20-х годов, и, естественно, то, что только вышло из-под пера. Читатель получит неоспоримое подтверждение слов поэтессы, написавшей однажды: «...я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Выходящая в свет книга будет называться «Бег времени» и охватит пятьдесят лет творчества. Кроме стихов, в нее включаются поэмы «У самого моря», «Триптих», «Реквием».

У нас в стране, да и за ее пределами, широко известна переводческая деятельность поэтессы. Что переводит ныне Ахматова?

Издательство «Художественная литература» выпускает сочинения Тагора — там множество стихов переведено Ахматовой. В последнее время поэтесса вместе с Анатолием Найманом переводит Леопарди, который, как ей удалось недавно убедиться, злободневно звучит для Италии наших дней. Итальянцы, утверждает Анна Андреевна, даже говорят, что после Данте для них Леопарди — самый любимый, самый необходимый поэт.

Предстоит работа по переводам древнеегипетских гимнов. Скоро читатели получают возможность познакомиться с древней поэзией, полной внутренней энергии и не устаревшей за несколько тысячелетий.

У Ахматовой есть стихи:

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор, к смерти все готово...
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней царственное слово.

Плохие стихи быстро стареют и незаметно для читателей умирают своей естественной смертью. Их не спасает даже ультрасовременный вид. Анна Андреевна в разговоре вспомнила, что в семнадцатом году центр Петрограда был заклеен

огромными и крикливыми афишами, извещавшими о «поэзо-концертах» Игоря Северянина. Тогда было модно ходить на вечера Северянина, велись споры: кто выше — Блок или Северянин? Слава Северянина оказалась эфемерной. Но, конечно, бывают примеры и обратного свойства. Марина Цветаева говорила: «Моим стихам, как драгоценным винам, придет черед», — и оказалась права.

Как и у каждого поэта, у Ахматовой есть свои пристрастия.

— В последнее время, — говорит Анна Андреевна, — как-то особенно сильно зазвучала поэзия Иннокентия Анненского. Я нахожу это вполне естественным. Вспомним, что Александр Блок писал автору «Кипарисового ларца», цитируя строки из «Тихих песен»: «Это навсегда в памяти. Часть души осталась в этом». Убеждена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почетное место, как Баратынский, Тютчев и Фет.

— Вы считаете Анненского своим учителем?

— И не только я. Иннокентий Анненский не потому учитель Пастернака, Мандельштама и Гумилева, что они ему подражали, — нет, о подражании не может идти речи. Но названные поэты уже «содержались» в Анненском. Вспомним, например, стихи Анненского из «Трилистника балаганного»:

Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое небо —
Два часа потом глазей, да в оба!

Сопоставьте «Шарики детские» со стихами молодого Маяковского, с его выступлениями в «Сатириконе», насыщенными подчеркнуто простонародной лексикой...

Если неискушенному человеку прочесть:

Колоколы-балаболы,
Колоколы-балаболы,
Накололи, намололи,
Дале боле, дале боле...
Накололи, намололи,
Колоколы-балаболы.
Лопотуньи налетели,
Болмоталы навязали,
Лопотали — хлопотали,
Лопотали, болмотали,
Лопоталы помомали, —

то он подумает, что это стихи Велимира Хлебникова. Между тем я прочитала «Колокольчики» Анненского. Мы не ошибем-

ся, если скажем, что в «Колокольчиках» брошено зерно, из которого затем выросла звучная хлебниковская поэзия.

Щедрые пастернаковские ливни уже хлещут на страницах «Кипарисового ларца». Истоки поэзии Николая Гумилева не в стихах французских парнасцев, как это принято считать, а в Анненском.

Я веду свое «начало» от стихов Анненского. Его творчество, на мой взгляд, отмечено трагизмом, искренностью и художественной целостностью...

В последнее время часто спорят о традициях и новаторстве; Ахматова вспоминает, что пятьдесят лет назад на эту тему спорили еще больше. Для каждого времени проблема традиций и новаторства звучит по-новому. Но в былое время находились горячие головы, начисто отрицавшие Пушкина и всю классику. Теперь этого уже никто не делает. Во всяком случае, давным-давно не слышно речей о том, что Пушкин устарел. Пушкин вечен, как вечны Гомер и Данте. Традицию в нашем классическом стихе можно проследить на опыте многих лет. Традиция — это «грядущее, созревшее в прошедшем». Что касается новаторства в стихе, то его уроки преподнес совсем еще молодой Маяковский.

Анна Андреевна проникновенно говорит о том, что с давних пор любит стихи и поэмы раннего Маяковского. Поэтесса лично знала Владимира Маяковского юным — таким навсегда он и остался в памяти.

На столике лежит толстый том — антология русской поэзии на французском языке. В антологию вошли и поэты-классики, и поэты — наши современники. Разговор заходит об отношении к нашей отечественной литературе на Западе. Общеизвестно, что в настоящее время за рубежом очень возрос интерес к русской литературе, в частности к поэзии.

Ахматова много раздумывает и о путях развития поэзии, и о том, как складываются отдельные литературные судьбы и писательские репутации. Анна Андреевна, в частности, считает, что если мы обратимся к творчеству поэтов военного поколения, поэтов сложной творческой судьбы, то увидим среди них крупных художников. К сожалению, не все из них пользуются заслуженным признанием. У нас высоко ценят Марию Петровых как отличную переводчицу. Между тем ее перу принадлежат самобытные и точные стихи. Ее стихотворение «Назначь мне свиданье на этом свете...» Ахматова считает шедевром лирики последних лет. Привлекает к себе внимание многообразное творчество Арсения Тарковского. Он большой поэт. В недо-

статочной мере оценен такой мастер поэтической речи, как Владимир Шефнер. Хороши стихи Липкина, Корнилова и Гитовича. Из тех, чьи стихи заметно выделяются в последние годы, хочется назвать Коржавина, Аллу Ахундову и Самойлова... Можно перечислить и других представителей молодежи, особенно из числа тех, кто еще только-только начинает печататься.

Ахматова говорит о том, что хорошие стихи доходят до читателей даже через «хребты веков». Нельзя держать под спудом замечательные духовные ценности. Между тем «Библиотека поэта», выходящая в Ленинграде и распространяемая по всей стране, еще находится в значительном долгу перед любителями стихов. У нас, к сожалению, плохо знают поэтов начала XX столетия, увлекаются чтением своих стихов в концертных залах. Поэтесса говорит о том, что иные юные авторы идут на поводу у публики: сначала они читают то, что нравится публике, а потом уже начинают и писать то, что может пользоваться шумным успехом на эстраде. Надо отдавать себе ясный отчет в том, что концертный успех имеет к литературе весьма отдаленное отношение. Не надо путать встреч автора с читателями (Блок и Маяковский превосходно читали свои стихи) с эстрадным успехом, которым иногда упиваются юные стихотворцы.

Анна Андреевна убеждена, что лирика — дело интимное, она рассчитана на особенно тесный контакт автора с читателями.

Наша беседа подходит к концу. Я прошу Анну Андреевну рассказать о том, как происходило вручение премии «Этна Тармина». Поэтесса говорит, что премию ей вручали в старинном здании сицилийского парламента, в замке Урсино, в древнем городе Катанье, на побережье Ионического моря. Вечер был торжественным и трогательным.

